

Людмила Павловна Гарбуль

Вильнюсский университет

Незамеченные семантические полонизмы в приказном языке Московского государства

В статье на материале приказного языка Московского государства, в частности, дипломатической корреспонденции первой половины XVII в., рассматривается история лексем *насадити* ‘поставить, назначить (на высокий пост, высокую должность), облечь властью’, *насадитися* ‘враждебно настроиться по отношению к чему-л., враждебно отнестись к чему-л.; ополчиться на что-л.; создать угрозу чему-л., поставить под угрозу что-л.’, *нужный* ‘бедный, убогий, нищенский; скудный, недостаточный; плохой, скверный’, *оправа* ‘приведение в надлежащий вид, в порядок; ремонт, починка; восстановление, обновление; укрепление; улучшение, усовершенствование’, *побрати* ‘отнять, отобрать, захватить что-л. у кого-л.; лишить кого-л. чего-л.; завладеть чем-л. чужим’, *привернути* ‘возвратить, вернуть; восстановить’, *страшливый* ‘ужасный, страшный, жуткий; ужасающий’, *сумнение* ‘совесть’, *теплица (-ы)* ‘место, где бьют горячие источники; *мн.* курорт, здравница с горячими источниками’. Цель автора — доказать, что в русском письменном языке XVI–XVII вв. указанные значения этих слов являются семантическими кальками с польского.

Анализ лингвистического материала позволяет сделать следующие выводы: рассматриваемые значения всех девяти лексем, очевидно, представляют собой семантические заимствования из польского при возможном посредничестве (за исключением *насадити* в анализируемом значении) письменности Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: семантическое заимствование, семантическая калька, семантический полонизм, дипломатическая корреспонденция, письменность Великого княжества Литовского (канцелярский (актовый) язык, “простая мова”).

В процессе исследования польского влияния на русский язык, в частности, на дипломатическую корреспонденцию Московского государства (далее МГ) первой половины XVII в., мы обнаружили более 320 семантических калек с польского языка [см. Гарбуль 2009; 2014a]. Дальнейшее изучение этого корпуса памятников показало, что заимствования такого рода были выявлены далеко не исчерпывающе. И это вполне

объяснимо, так как установление факта семантического калькирования наталкивается на объективные трудности, поскольку природа семантических калек проявляется не в языковой форме, а исключительно в содержании [см. Зализняк 2001, 20–21; 2006, 414; Крысин 2002, 31]. В связи с этим при идентификации семантических заимствований необходимо опираться на историко-филологические методы, использование которых дает достаточно надежные результаты [см. Зализняк 2001, 20; Крысин 2002, 30]. То есть при анализе семантических калек недостаточно учитывать только собственно лингвистические данные, поскольку в целом ряде случаев очень сложно установить, в результате какого процесса возникло переносное значение слова (было ли это следствием семантического калькирования или оно органически развилось в самом языке), поэтому в каждом конкретном случае необходимо определить время и обстоятельства появления этого значения в языке [см. Арапова 2000, 25, 27].

В этой публикации, опираясь на изложенные выше положения, проведем историко-этимологический анализ девяти лексем с целью в одних случаях доказать факт семантического калькирования с польского, в других случаях верифицировать данные, приводившиеся в предшествующих исследованиях по польско-русским языковым контактам. Кроме того, попытаемся проследить пути проникновения семантических полонизмов в русский письменный язык XVI–XVII вв.

НАСАДИТИ (1)** *сов.* Поставить, назначить (на высокий пост, высокую должность), облечь властью: *Скоро по Велицъ дни Король хочет у Вилну быти... и коли бы не присъгнуль Сендомирскій, и хотели Поляки Королевича насадити на Царство Московское***** [АИ 2: 202 (174), 1609 г.].

Эта лексема восходит к праслав. **nasaditi* ‘посадить; насадить, засадить’ и представляет собой сложение **na-* и **saditi*, 1 л. ед. ч. **sadjō* ‘усаживать, рассаживать, сажать; помещать, размещать, располагать; поселять, селить’, ‘засаживать; сажать (растения)’, являющегося каузативом к **sěsti* (< **sěd-ti*), 1 л. ед. ч. **sędō* ‘принять сидячее положение, сесть’, ‘поселиться, осесть’ с архаичным чередованием корневого гласного **ě//*a* (< **ē // ā*), имеющему соответствия в балтийских и других индоевропейских языках (и.-е. корень **sed-* (: **sōd-*) ‘садить, сажать’, ‘ставить; устанавливать’) [см. Boryś 2005, 544; ЭССЯ 23, 28–30, 42; Фасмер III, 544, 613; ИЭССРЯ II, 135; Rejzek 2001, 558, 564].

* Здесь и далее цифрой в скобках указывается количество употреблений анализируемой лексемы в наших материалах.

** Усечения начала и конца цитаты не отмечаются.

Перфектив *насадити* в значении ‘насадить, посадить; покрыть насаждениями’, ‘внедрить, привить, распространить’ и ‘отдать в аренду’ встречается уже в древнерусском языке в XI–XII вв. [СлДРЯ V, 188; СлРЯ XI–XVII вв. 10, 237]. До сих пор считалось, что наиболее ранняя его фиксация в русской письменности в интересующем нас значении представлена в *Вестях-Курантах* под 1628 г. [СлРЯ XI–XVII вв., там же]. Мы обнаружили *насадити* в анализируемом значении в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и Великим княжеством Литовским (далее ВКЛ) под 1609 г., что позволяет почти на два десятилетия удревнить его хронологию в русском письменном языке. Что касается дальнейшей судьбы *насадити* в этом значении, то далее конца 20-х гг. XVII в. она не прослеживается ни в русском литературном языке, ни в диалектах. В других восточнославянских языках этот глагол в рассматриваемом нами значении пока не зарегистрирован.

Характер памятников, в которых *насадити* ‘поставить, назначить (на высокий пост, на высокую должность), облечь властью’ выявлено в русской письменности XVII в., и единичность его фиксаций наводят на мысль о возможной неисконности анализируемого значения в русском языке. И наиболее вероятным источником заимствования может быть польский язык. Так, в старопольской письменности *nasadzić* ‘osadzić na jakimś stanowisku, dać funkcję, stanowisko’ известно со второй половины XV в. [SlStp V, 96]. Этот глагол в значении ‘o obsadzaniu funkcji lub urzędów, o powierzaniu obowiązków; mianować’, по данным лексикографических источников, отмечался в польском письменном языке вплоть до начала XVII в. [SlP XVI, XVI, 216]. Кроме того, в XVI в. в том же значении в польском языке использовался глагол *nasadzać*¹ как в имперфективном, так и в перфективном употреблении [там же, 215]. Далее рубежа XVI–XVII вв. история глаголов *nasadzić*, *nasadzać* в указанном выше значении для польского языка не прослеживается.

На наш взгляд, приведенная выше информация дает определенные основания для предположения о заимствовании интересующего нас значения *насадити* в русский письменный язык начала XVII в. из польского языка, где *nasadzić* в том же значении бытовало по меньшей мере на протяжении полутора веков.

НАСАДИТИСЯ (1) *сов.* Враждебно настроиться по отношению к чему-л., враждебно отнестись к чему-л.; ополчиться на что-л.; создать угрозу чему-л., поставить под угрозу что-л.: *И мы, слыша таковаго злодѣя и богоотступника, еретика, чернокнижника Гришка, и злыя умышленья... и на православную вѣру насадилсѧ, и то таковой злодѣй... всталъ противу бога* [СГГД 2, 310 (147), 1606 г.].

Рассматриваемая лексема является возвратным глаголом к *насадити*, о происхождении которого см. выше.

В древнерусском языке *насадитися* встречается с XII–XIII вв. в значениях ‘быть посаженным’ и ‘перен. укорениться, распространиться’ [СлДРЯ V, 188; СлРЯ XI–XVII вв. 10, 238]. В анализируемом значении эта лексема пока засвидетельствована в русской письменности один раз в документе, отражающем отношения МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., там же²; см. также наш пример]. За пределами XVII в. ее судьба в значении ‘враждебно настроиться по отношению к чему-л., враждебно отнестись к чему-л.; ополчиться на что-л.; создать угрозу чему-л., поставить под угрозу что-л.’ для русского языка не прослеживается.

Учитывая историю *насадитися* в рассматриваемом значении в русском языке, а также то, что в историческом словаре русского языка к этому употреблению приводится параллель из польского языка: ‘ср. польск. *nasadzić się na co*’ [СлРЯ XI–XVII вв., там же], мы допускаем возможность семантического калькирования с этого языка. В старопольском языке *nasadzić się* известно с 70-х гг. XV в. в значении ‘*postarać się, dołożyć starań, oddać się czemuś, poświęcić się za coś*’ [SłStp V, 96]. Со второй четверти XVI в. и перфектив, и имперфектив отмечаются уже в интересующем нас значении: *nasadzić się* ‘*starać się usilnie, nastawić się na co (przeważnie w złym zamiarze); incumbere*’, *nasadzać się* ‘*starać się usilnie, nastawiać się [na co]; o wyrządzeniu zła; czyhać [na co, przeciw komu]*’ [SłP XVI, XVI, 215–216, 217; Reczek 1968, 231; Linde III, 280; Karłowicz III, 157]. В этом значении имперфектив регистрируется в польском языке еще в первой четверти XVII в., а перфектив — в последней четверти того же столетия [SłP XVI, XVI, 215; SłPaska I, 475]. Далее XVII в. судьба *nasadzić się* и *nasadzać się* в приведенном выше значении для польского языка уже не прослеживается.

По нашему мнению, представленные выше данные позволяют с достаточной степенью уверенности говорить о том, что в русской письменности XVII в. мы имеем дело с окказиональным семантическим полонизмом. Что касается сведений о *насадитися* в анализируемом значении в других восточнославянских языках, то в письменности ВКЛ: в канцелярском языке — с конца 80-х гг. XVI в., а в текстах на “простой мове” — с XVII в. *насадитися*, *насадзитися*, *насадитисе* представлено в единственном значении ‘зрабиць замах (на здароўе, жыццё); паквапіцца, наважыцца, намерыцца’, причем наиболее ранние фиксации приходятся на документы, язык которых испытал сильное влияние польского [ГСБМ 19, 277]. За пределами XVII в. история этой лексемы

в указанном выше значении как в русском, так и в польском языках не прослеживается. Судя по всему, *насадитися* в письменности ВКЛ, видимо, является лексическим полонизмом, при этом актовый язык ВКЛ мог способствовать семантическому калькированию с польского в русский письменный язык XVII в.

НУЖНЫЙ (7) *прил.* Бедный, убогий, нищенский; скудный, недостаточный; плохой, скверный: *И то дѣлается мимо прежней обычай ... что въ перемирное время держати Пословъ долгое время въ такихъ нужныхъ мѣстахъ и такое утѣсненье и безчестье дѣлать* [ДРВ (1) 10, 75, 1601 г.]. *Вельли вамъ извѣстити, / что они о васъ братьяъ своей скорбятъ, что вы въ такихъ нужныхъ мѣстѣхъ стоите долгое время, а учтивости вамъ Королевскіе и корму нѣтъ* [там же, 78–79, 1601 г.]. *Стояти намъ въ такомъ нужномъ мѣстѣ, хуже деревни Кутеины ... и то дѣлается мимо прежней обычай* [ДРВ (2) 4, 16, 1601 г.]. *А мы, не терпя здѣшняго долгого нужного житья, к вамъ потѣхали* [Сб. РИО 137, 553, 1607–1608 гг.]. *Да у насъ же с нашево нужново житья бѣгаютъ от насъ хлопи, крадучи многие наши животы* [там же, 632, 1607–1608 гг.]. *А нужда де имъ была въ осаду большая: ѣли лошади, и отъ тѣсноты и отъ нужные воды замытая, померли многие* [АЮЗР 3, 393, 1649 г.]. *И отъ тесноты и отъ нужные воды замытая, померли многие* [ВУР 2, 300 (133), 1649 г.].

Это прилагательное, восходящее к праслав. **nudjъnъ(jь)* ‘трудный, тяжелый’, ‘насильственный, принудительный’, ‘необходимый, нужный’, ‘нуждающийся’ и имеющее общеславянское распространение, образовано с помощью суффикса *-ьn-* от **nudja* (вторичное — **nōdja* с переходом **u > *o* под влиянием предшествующего *n-*) ‘насилие, принуждение’, ‘страдание’, ‘беда, несчастье’, ‘печаль; горесть’, ‘бедность’, от глагольного деривата с суффиксом *-ja* от **nuditi* ‘принуждать, заставлять’, ‘беспокоить’, ‘стараться, стремиться’, и.-е. базой которого является **nāc-d-* ‘насилие; принуждение’, ‘нужда’ с корнем **nāc-*: **nāc-*: **nī-* ‘мучить, терзать’, ‘теснить’ [см. Вору́с 2005, 355, 368; ЭССЯ 26, 34–37, 37–39, 41–42; Фасмер III, 88–89; ИЭССРЯ I, 580–581; ЕСУМ 4, 117].

В древнерусском языке *нужьныи* в значении ‘необходимый, нужный’ фиксируется уже в последней четверти XI в., в XII–XIII вв. объем значений этого прилагательного существенно расширяется [СлДРЯ V, 444–445; СлРЯ XI–XVII вв. 11, 446–447]. В анализируемом значении эта лексема впервые отмечается в дипломатическом документе, отражающем контакты МГ со Швецией в 1569 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 11, 447]. Мы обнаружили *нужный* ‘бедный, убогий, нищенский; скудный, недостаточный; плохой, скверный’ в дипломатической корреспонденции

по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в первой половине XVII в. В этом значении прилагательное отмечается и в русском письменном языке XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 15, 197]. В лексикографическом источнике, регистрирующем русский язык XIX в., *нужный* в значении ‘бедный, нищий; убогий, скудный’ снабжено пометой “стар., а иногда и доселѣ въ народѣ” [Даль II, 560]. Далее судьба *нужный* в значении ‘неимущий, бедный; неурожайный, голодный’ прослеживается только в северных, северо-западных диалектах, а также в говорах Приуралья, Зауралья и Западной Сибири [СРНГ 21, 313].

Характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *нужный* в интересующем нас значении, наводит на мысль о возможном семантическом заимствовании. Польский славист В. Витковский [2006, 126] относит *нужный* ‘*nędzny*’ к полонизмам в русском языке, однако не указывает способ заимствования и ничем не аргументирует свое мнение. Мы также предполагаем, что источником анализируемого значения *нужный* в русском является польский язык. Попытаемся обосновать это.

В старопольском языке *nędzny* в значении ‘*cierpiący nędzę, niedostatek, ubóstwo, barzdo biedny, ubogi, nieszczęśliwy, utrapiony*’ известно с последней четверти XIV в., а в значении ‘*małej wartości, lichy, marny, mizerny, niewystarczający*’ — с середины XV в. [SłStp V, 138–139]. В обоих этих значениях *nędzny* фиксировалось в польском письменном языке на протяжении XVI–XX вв. [SłP XVI, XVI, 507–513; Linde III, 312; Karłowicz III, 247; SłJP IV, 1315]. В словаре современного польского языка *nędzny* также представлено в значениях ‘*świadczący o nędzy, będący wynikiem ubóstwa; lichy, byle jaki*’, ‘*niemający wartości, w złym gatunku, byle jaki; marny, tandetny*’, ‘*mający małą, niewystarczającą wartość; skromny, niski*’ с пометой “*książk.*” [USłJP 2, 891].

В письменности ВКЛ лексема *нужный* в значении ‘бедны, няшчасны; пакутлівы’ засвидетельствована с конца XV в.³, а в интересующем нас значении — в середине второй четверти XVII в.⁴ в тексте, в котором проявляется сильное влияние польского языка [ГСБМ 21, 64]. Кроме того, в канцелярском языке с 70-х гг. XVI в. встречаются *недзный, незный* в значении ‘бедны; убогі; жабрацкі’ [ГСБМ 20, 69–70], с 90-х гг. XVI в. в том же значении фиксируются *недзный, нендный, нензный*, которые с начала XVII в. засвидетельствованы также в значении ‘мізэрны’ [ГСБМ 20, 170]. Эти лексемы считаются лексическими заимствованиями из польского [Булыка 1972, 216; ЭСБМ 8, 54]. *Недзный, нендный, нензный* в анализируемом нами и других значениях регистрируются в текстах на “простой мове” до середины XVII в. [ГСБМ 20, 170–171].

В белорусском языке XVIII–XIX вв. в значении ‘бедный, скудный’ употреблялось прилагательное *нудный* [Носович 1870, 342], история которого в этом значении далее XIX в. не прослеживается. В украинском языке XVIII–XIX вв. бытовали прилагательные *нуждѣний* в значениях ‘крайне нуждающийся’, ‘плохой, жалкий’ и ‘измученный’ и синонимичное ему *нужный* ‘крайне нуждающийся’, ‘изможденный, истомленный’ [Гринченко 2, 572], последнее до сих пор бытует в диалектах украинского языка [ВТССУМ 2005, 794]. Прилагательное *нуждѣний* в значениях ‘який терпить нужду; бідний’ и ‘який відзначається надзвичайною убогістю; злидений, жебрацький’ до сих пор входит в активный состав украинской лексики [ВТССУМ, там же].

Сопоставление информации о *нужный* ‘бедный, убогий, нищенский; скудный, недостаточный; плохой, скверный’ и *недзны* в соответствующем значении позволяет констатировать факт семантического заимствования из польского в русский письменный язык второй половины XVI–начала XVII в. При этом роль посредника могла играть письменность ВКЛ, где полонизм *недзный, незный, нендзный, нендний, нензный* известен со второй половины XVI в. Что касается *нужный* в интересующем нас значении, то семантическое калькирование в письменности ВКЛ, учитывая хронологические данные, могло осуществиться как с польского, так и с русского языка, хотя более вероятным кажется все-таки первый источник.

ОПРАВА (1) *жс*. Приведение в надлежащий вид, в порядок; ремонт, починка; восстановление, обновление; укрепление; улучшение, усовершенствование: *И чтобъ тѣ доходы не на что иное, но на **оправу** и на оборону города Могилева были оборочены* [АИ 4, 228 (88), 1654 г.].

Эта лексема представляет собой девербатив от приставочного глагола, восходящего к праслав. **praviti* ‘делать прямым, выпрямлять; выравнивать’, ‘делать точным, подходящим, соответствующим’, отыменному образованию от праслав. **pravъ* ‘прямой’, ‘точный; подходящий, соответствующий’, и.-е. базой которого является **prō-цo-* ‘первый’ с корнем **pro-* ‘вперед, впереди, спереди’ [см. Boryś 2005, 480, 481; Rejzek 2001, 496–497; Фасмер III, 352; ЕСУМ 4, 550, 551].

В древнерусском языке существительное *оправа* регистрируется в *Новгородской летописи* под 1138 г. (список XIII в.) в значении ‘улаживание спора, примирение; разбор дела’ [СлДРЯ VI, 143; СлРЯ XI–XVII вв. 13, 36]. В интересующем нас значении это слово впервые засвидетельствовано в памятнике *Назиратель*, переведенном с польского языка в последней четверти XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв., там же]. Мы выявили лексему *оправа* в анализируемом значении в дипломатическом

документе, отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. В этом значении слово *оправа* бытовало и в русском письменном языке XVIII–XIX вв. [САР IV, 349; Даль II, 684]. В XX в. *оправа* ‘ремонт, исправление’ фиксировалось уже только в тверских говорах и на Кубани [СРНГ 23, 289].

История рассматриваемого существительного в интересующем нас значении дает определенные основания для предположения о возможном семантическом калькировании с польского языка. Справедливости ради заметим, что обнаруженное нами употребление *оправа* приводится в словнике полонизмов С. Кохманом (*oprawa* ‘poprawa, wzmożenie’) без какой-либо аргументации факта заимствования и указания его способа [см. Kochman 1967, 126]. С целью верификации этого случая обратимся к польскому языку. В старопольской письменности лексема *oprawa* регистрируется с последней четверти XIII в.; в значении ‘naprawa, poprawa, odnowienie, ulepszenie, korekta’ она фиксируется с конца XIV в., а в значении ‘obwarowanie, fortyfikacja’ — с середины 60-х гг. XVI в. [Bańkowski 2, 422; SłStp V, 609, 610; Reczek 1968, 298; SłP XVI, XXII, 31]. В первом из этих значений анализируемое слово отмечается в памятниках до XVII в., а во втором оно бытовало еще в XVII–первой половине XVIII в. [Linde III, 572; Karłowicz III, 812], но далее этого времени история *oprawa* ‘poprawa, naprawa, sporządzenie, sporządzenie, geracja, restauracja, odnowa’ для польского письменного языка не прослеживается.

В канцелярском языке ВКЛ единичное употребление *оправа* ‘рамонт, папраўка’ выявлено в конце XV в. Более широкое распространение данная лексема в этом значении получает в XVI в., причем в XV–XVI вв. она встречается в документах, в языке которых проявляется сильное влияние польского языка [ГСБМ 22, 276]. В XVII в. *оправа* в анализируемом значении также представлена в актовом языке и в переводных с польского языка текстах на “простой мове” [ГСБМ, там же; ПГССЛ I, 501; Тимченко 2, 48], однако за пределами этого столетия судьба рассматриваемого существительного в интересующем нас значении ни для белорусского, ни для украинского языка не прослеживается.

В исследованиях по этимологии белорусского языка высказывается мнение, что старобелорусское *оправа* ‘паправа, наладка’, возможно, является божемизмом, хотя делается оговорка, что оно было известно и в старопольском языке [ЭСБМ I, 132]. Мы же склоняемся к тому, что это, вероятнее всего, лексическое заимствование⁵ из польского, поскольку в старочешском языке единичное употребление существительного *oprawa* в анализируемом значении фиксируется в первой половине XV в., а бо-

лее широкое распространение оно получает со второй половины того же столетия, то есть практически одновременно с появлением его в письменности ВКЛ, тогда как в старопольском языке это слово засвидетельствовано раньше [ср. StĕSl 3, 554–555; ГСБМ 22, 276; SlStp V, 609].

По нашему мнению, приведенная выше информация достаточно убедительно свидетельствует в пользу заимствования интересующего нас значения существительного *оправа* в русский письменный язык XVI в. из польского⁶ при возможном посредничестве актового языка ВКЛ. Кроме представленных выше доказательств, это дополнительно подтверждается тем, что семантическими кальками с польского языка являются *оправа* ‘переплет; рамка, обрамление’ [Witkowski 2006, 133], *оправити* ‘украсить оправой, вставить в оправу’ [Гарбуль 2009, 386–387], а прилагательное *оправный* (-ой) ‘имеющий оправу или отделку в виде оправы’ считается лексическим полонизмом [Witkowski 2006, 134; Гарбуль 2014б, 107].

ПОБРАТИ (1) *сов.* Отнять, отобрать, захватить что-л. у кого-л.; лишить кого-л. чего-л.; завладеть чем-л. чужим: *Биль намъ чоломъ Семень Шапкинъ, абы ... поместья его, которые де и у него Князь Василеи Шкуискии, побравшы, роздалъ в роздачу рознымъ людемъ Московскимъ, ему привернули* [СГГД 2, 465 (213), 1610 г.].

Анализируемая лексема представляет собой префиксальное производное, восходящее к имеющему общеславянское распространение праслав. **bъrati*, 1 л. ед. ч. **berq* ‘братъ’, связанному с и.-е. корнем **bher-* (: **bherǝ-*: **bhr-*) с первоначальным значением ‘нести’, на базе которого в славянских языках развилось значение ‘братъ’, появившееся сначала, видимо, у приставочных глаголов [см. Воруś 2005, 37; Фасмер I, 159; ИЭССРЯ I, 109; ЭССЯ 3, 162–163; ЭСлРЯ I (2), 190–191].

Глагол *побрати* первоначально регистрируется в значении ‘подобрать, собрать поднимая’ в *Книгах законных* XII–XIII вв.⁷, известных в списке XV в., затем в значении ‘собрать, получить в каком-л. количестве, взямая со многих лиц’ он засвидетельствован в *Ипатьевской летописи* под 1257 г. (список XV в.) и *Псковской летописи* под 1469 г. (списки XV–XVII вв.) [СлРЯ XI–XVII вв. 15, 134–135]. Наиболее ранняя фиксация *побрати* в интересующем нас значении приходится на *Польские дела* (1490 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 15, 134]. Мы обнаружили этот глагол в анализируемом значении в документе начала XVII в., также отражающем отношения МГ с Польшей и ВКЛ. Кроме того, в русском письменном языке XVII в. *побрати* с конца 80–90-х гг. встречается в значении ‘захватить силой, завоевать’ [СлРЯ XI–XVII вв. 15, 134], близком к рассматриваемому нами, в котором этот глагол отмечался и

в XVIII в. в основном в переводных текстах или источниках, представляющих собой описание путешествий [СлРЯ XVIII в. 20, 82]. История перфектива *побрати* в анализируемом нами значении в русском письменном языке пока ограничивается XVII в., а в значении ‘захватить силой, завоевать’ — XVIII в.⁸

Учитывая характер памятников, в которых *побрати* было выявлено в интересующем нас и в указанном выше значении, мы допускаем вероятность семантического калькирования с польского языка. Так, в старопольских источниках *pobrać* ‘wziąć coś, zabrac, odebrać (coś komuś)’ засвидетельствовано с середины 80-х гг. XIV в. [SłStp VI, 193–195]. В памятниках XVI в. представлены как перфектив *pobrać* ‘wziąć w posiadanie osoby lub rzeczy będące czyjąś własnością (bezprawnie a gwałtem i przemocą, zwykle w warunkach wojennych; zagarnąć, zrabować; uprowadzić)’, так и имперфектив *pobierać* ‘zagarniać gwałtem, porywać’⁹ [SłP XVI, XXV, 95, 122–125]. Судьба имперфектива в этом значении в польской письменности не прослеживается далее рубежа XVI–XVII вв., а история перфектива — далее XVII в. [SłP XVII; Linde IV, 180; Karłowicz IV, 289].

В канцелярском языке ВКЛ наиболее раннее употребление глагола *побрати* ‘(заволодіти чим), забрати, взяти’ регистрируется в середине первой четверти XV в., затем в интересующем нас значении, а также в значении ‘(насилно) забрати, загарбати, захопити’ он спорадически встречается во второй половине того же столетия в основном в дипломатических документах, язык которых испытал влияние польского [ССМ 2, 157]. В более широкое употребление *побрати* ‘узяць, забраць, присвоїць што-н.’ и ‘забраць сілай, адабраць, абрабаваць, украсці’ входит в начале XVI в. и в этих значениях регистрируется в актовом языке ВКЛ и текстах на “простой мове” на протяжении XVI–XVII вв. [ГСБМ 24, 437–438]. С середины XVI в. в значении ‘абіраць, забіраць што-н. сілай, ашукантам’ засвидетельствован имперфектив *побирати*, а с начала XVII в. — *поберати*, фиксировавшиеся в сильно полонизированных или переводных с польского языка текстах [ГСБМ 24, 413, 417]. В белорусском языке XVIII–XIX вв. в значении ‘забрать’ бытовала только форма перфектива *побраць* [Носович 1870, 423], судьба которой далее XIX в. уже не прослеживается, тогда как в словаре современного украинского языка находим *побрати* (док.) ‘відняти, забрати силою все чи багато чого-небудь’ [ВТССУМ, 991].

Исходя из приведенной выше информации, можно предполагать, что в письменности ВКЛ перфектив *побрати* является лексическим полонизмом, так как впервые это слово зарегистрировано здесь именно в

интересующем нас значении; то же можно сказать и о форме имперфектива *поберати*, тогда как *побирати* в представленном выше значении может быть семантической калькой с польского языка, поскольку впервые отмечается в памятниках в середине первой четверти XVI в. в значении ‘падбіраць, збіраць тое, што засталася’ [ГСБМ 24, 417]. Что касается русского языка, то сопоставление фактов из истории *побрати* в значениях ‘отнять, отобрать, захватить что-л. у кого-л.; лишить кого-л. чего-л.; завладеть чем-л. чужим’ и ‘захватить силой, завоевать’ в русском и *pobrać* ‘то же’ в польском языке дает, на наш взгляд, определенные основания для того, чтобы считать, что в русском письменном языке конца XV–XVII вв. мы, вероятнее всего, имеем дело с семантическим заимствованием из польского, очевидно, через посредничество актового языка ВКЛ и “простой мовы”.

ПРИВЕРНУТИ (3) *сов.* Возвратить, вернуть; восстановить: *Биль намъ чоломъ Семень Шапкинь, абы... поместья его, которые де и у него Князь Василей Шуискии, побравши, роздалъ... рознымъ людемъ Московскимъ, ему привернули и листомъ нашимъ утвердили* [СПГД 2, 465 (213), 1610 г.]. *Тые... поместья ему Семену Шапкину привернувши, симъ листомъ нашимъ потвержаемъ* [там же]. *Господь Богъ здоровье сыну нашему привернулъ* [там же, 2, 608 (286), 1612 г.].

Данная лексема является префиксальным производным от глагола, восходящего к праслав. **vьrŋoti* (< **vьrŋoti*), образованному с помощью суффикса *-ŋo-* от **vьrtati* ‘вертеть; вращать’, связанному с имеющим общеславянское распространение праслав. **vьrtěti*, 1 л. ед. ч. *vьrtjo* ‘крутить, вертеть; вращать’, и.-е. база которых — **цer-t-* (: *цr-t-*) ‘то же’ с корнем **цer-* ‘крутить, вертеть; вращать’, ‘сгибать, гнуть’, ‘свертывать, скатывать; сматывать; скручивать’ [Boryś 2005, 695, 700; Фасмер I, 301; ЭСЛРЯ I (3), 61, 65–66; ИЭССРЯ I, 144; ЕСУМ I, 358–360; ЭСБМ 2, 306, там же, 10, 65].

Этот глагол впервые регистрируется в русской деловой письменности в конце 50-х гг. XV в. в значении ‘присоединить’, в интересующем нас значении он отмечается с 80-х гг. XVI в. в *послании Ивана Грозного* [СлРЯ XI–XVII вв. 19, 105]. Мы зафиксировали *привернути* ‘возвратить, вернуть; восстановить’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. Далее XVII в. история глагола *привернути* в этом значении в русском письменном языке не прослеживается¹⁰.

Учитывая характер памятников, в которых *привернути* ‘возвратить, вернуть; восстановить’ встречалось в XVI–XVII вв., мы предполагаем семантическое калькирование с польского языка. В старопольских

текстах *przywrócić* в значении ‘oddać, co było stracone, zwrócić’ засвидетельствовано с середины XV в., а в значении ‘odzyskać’ — с конца того же столетия [SłStp VII, 385]. В значениях ‘spowodować ponowne pojawienie się czegoś, co było i przestało istnieć’ и ‘oddać, zwrócić’ этот глагол фиксировался в польском языке и в XVI–XIX вв. [SłP XVI, XXXIV, 338; Reczek 1968, 404; SłPaska II, 289; Linde IV, 705; Karłowicz V, 405]. В словаре, отражающем польский язык XX в., второе из указанных выше значений снабжено пометой “przestarz.” [SłJP VII, 674]. В значении ‘doprowadzić coś do poprzedniego stanu, wprowadzić coś na nowo, odtworzyć coś w pierwotnej postaci; wznowić, odnowić’ *przywrócić* употребляется до настоящего времени, в лексикографических источниках XXI в. это значение сопровождается пометой “książk.” [USłJP 3, 829].

В письменности ВКЛ *привернути* ‘вярнуць’ sporadически отмечается во второй половине XV в. в документах, в языке которых заметно польское влияние, а в XVI–XVII вв. этот глагол регистрируется в актовом языке и текстах на “простой мове”, в значительной степени насыщенных полонизмами [ССМ 2, 234; ГСБМ 28, 194]. В интересующем нас значении в письменности ВКЛ с середины первой четверти XVII в. засвидетельствован также имперфектив *привертати*¹¹ [ГСБМ, там же]. В белорусском языке история анализируемого глагола в рассматриваемом значении за пределами XVII в. не прослеживается. В украинском языке *привертати*, *привернути* ‘возвращать, возратить’ продолжало бытовать в XVIII–XIX вв. [Грінченко 3, 408]. В словаре современного украинского языка *привернути* представлено в значении ‘повертати, поновлювати що-небудь утрачене’ с пометой “розм.”, а оттенок этого значения ‘сприяти відновленню чогось’ снабжен пометой “діал.” [ВТССУМ, 1111].

Обзор истории *привернути* ‘возратить, вернуть; восстановить’ в восточнославянских языках и *przywrócić* ‘то же’ в польском позволяет предполагать, что глагол в этом значении в русском письменном языке XVI–XVII вв. является семантическим полонизмом. Что касается письменности ВКЛ, то здесь, возможно, мы также имеем дело с семантической калькой с польского, так как здесь лексема *привернути* с середины XV в. была известна и в значении ‘перадаць’, которое не отмечено в старопольском языке [ГСБМ 28, 193]. В таком случае письменность ВКЛ могла выступать в роли посредника в процессе семантического калькирования с польского в русский письменный язык XVI–XVII вв.

СТРАШЛИВЫЙ (-ОЙ) (1) *прил.* Ужасный, страшный, жуткий; ужасающий: *И неприятели нас зоевали, лише голод неслыханой да страшливой, которой у нас силу нашу отнял* [Сб. РИО 142, 382, 1613 г.].

Это прилагательное представляет собой отглагольное суффиксальное образование от имеющего общеславянское распространение праслав. **strašiti*, 1 л. ед. ч. **strašō* ‘возбуждать страх, ужасать’, ‘грозить, угрожать’, отыменного производного от **strachъ* ‘страх, ужас, испуг’ (возможно, из более раннего **strōg-so-s* с регулярным изменением **gs > *ks > *chs*, связанного с праслав. **stroгъ* ‘резкий; строгий, суровый’, ‘грозный, угрожающий’), без явных соответствий в других (неславянских) и.-е. языках, но с предположительной и.-е. базой **(s)terg-*: **(s)treg-*: **(s)terk-* ‘жесткий, твердый’, ‘растянутый; натянутый, тугой’, ‘прямой’ [см. Boryś 2005, 573, 579; ЕСУМ 5, 448; ИЭССРЯ II, 207; Фасмер III, 772].

В древнерусском языке анализируемое прилагательное в значении ‘трусливый, боязливый’ известно с XII–XIII вв. [СлРЯ XI–XVII вв. 28, 148]. До сих пор считалось, что в интересующем нас значении *страшливый* впервые встречается в русской письменности во второй половине 30-х гг. XVIII в., а наречие *страшливе* в соответствующем значении — в XVII в.¹² [Witkowski 2006, 204]. Мы обнаружили *страшливый* ‘ужасный, страшный, жуткий; ужасающий’ в дипломатическом документе середины первой четверти XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, что позволяет более чем на столетие удревнить появление интересующего нас значения в русском письменном языке. История прилагательного *страшливый* в указанном выше значении в русской письменности пока не прослеживается далее второй четверти XVIII в. Единичное употребление *страшливый* ‘устрашающий кого-л.’ за пределами XVIII в. обнаружено в 30-е гг. XX в. в говоре Онежского района Карельской АССР [СРНГ 41, 296].

Польский славист В. Витковский относит *страшливый* и *страшливе* в интересующем нас значении к семантическим полонизмам, не приводя доказательств самого факта заимствования [Witkowski 1992, 267; 2006, 204]. В связи с этим обратимся к истории прилагательного в польском языке. В старопольских письменных источниках *straszliwy* с середины XV в. встречается в значениях ‘budzący strach, grozę, wywołujący lęk’ и ‘lękliwy, bojaźliwy, tchórzliwy’ [SłStp VIII, 462]. В первом из приведенных значений это слово регистрировалось в польском языке на протяжении XVI–XX вв. [SłP XVII; Linde V, 467; Karłowicz VI, 445; SłJP VIII, 800] и до сих пор входит в активный состав лексики [USłP 3, 1410].

В письменности ВКЛ прилагательное *страшливый* впервые (1489 г.) фиксируется в значении ‘такі, які выклікае пачуццё страху’ [ГСБМ 32, 465]. Заметим, что эта лексема встречается во всех значениях, представленных в историческом словаре белорусского языка, в тех текстах, язык

которых отражает влияние польского языка, или же в переводах с польского [там же]. В анализируемом значении *страшливый* регистрировалось в канцелярском языке ВКЛ и текстах на “простой мове” и в XVI–XVII вв. [там же], однако далее XVII в. для белорусского языка судьба его не прослеживается, тогда как в украинской письменности XVIII в. *страшливий* в значении ‘страшный’ засвидетельствовано [Тимченко 2, 370]. В словаре современного украинского языка *страшливий* представлено в значении ‘те саме, що страшний’ с пометой “рідко” [ВТССУМ, 1400].

Характер памятников, в которых *страшливый* в рассматриваемом нами значении первоначально фиксировалось в письменности ВКЛ, хронологические данные, а также наличие в историческом словаре украинского языка пометы “пл. *straszliwy*” [Тимченко, там же] указывает, по всей видимости, на лексическое заимствование из польского языка. Приведенная выше информация подтверждает факт семантического заимствования из польского языка в русский в XVII в. при возможном посредничестве письменности ВКЛ, где это прилагательное, очевидно, является лексическим заимствованием из того же источника.

СУМНѢНЬЕ (1) с. Совесть, чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения. В составе сочетания *подъ сумнѣнемъ* ‘честно, без обмана; правильно, справедливо’: *И на тѣхъ де пактахъ Богдановымъ по словь ... даль король обътъницю подъ сумнѣнемъ быть крѣпкимъ... и въ констытуцью внести* [АЮЗР 3, 397, 1649 г.].

Эта лексема представляет собой суффиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к праслав. **sǫmьněti* ‘сомневаться’, ‘противиться, сопротивляться’, отыменному образованию от **sǫmьnъ* ‘а ‘сомнение, недоверие; подозрение’, являющемуся deverбативом от **sь-тълѣti* ‘взвешивать, обдумывать; размышлять, раздумывать, думать’, ‘сомневаться’, ‘подозревать’, возводимому к праслав. **тънѣti*/**тънiti*, 1 л. ед. ч. **тънjo* ‘думать, полагать; считать’, ‘воображать’ с надежными индоевропейскими соответствиями с и.-е. корнем **men-* (: **m̥n̥-*: **menǵ-*: **mn̥ǵ-*: **mn̥ē-*) ‘думать’ [см. Вору́с 2005, 461, 586–587; ЭССЯ 21, 112–113, 113–115; ИЭССРЯ I, 536; Фасмер II, 632, 633; там же, III; ЕСУМ 5, 474; ЭСБМ 13, 42].

В древнерусском языке с XI в. регистрируется *сумнѣние* в значениях ‘сомнение, колебание’ и ‘трепет, благоговение; страх’, а с XIV–XV вв. в первом из указанных значений засвидетельствовано *съм(ь)нѣние, сомнѣние*¹³ [Срезневский III, 619; СлРЯ XI–XVII вв. 26, 142; там

же, 29, 24, 25]. Наиболее раннее на данный момент точно датированное употребление анализируемого существительного в значении ‘совесть’ обнаружено нами в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. Еще одна фиксация лексемы *сумнение* ‘совесть’ была выявлена С. Кохманом [1967, 144], как и в нашем случае, в составе сочетания *подъ сумнениемъ* в *Московском переводе-редакции Литовского статута*. За пределами XVII в. история *сомнѣние/сумнѣние* в анализируемом значении для русского письменного языка пока не прослеживается.¹⁴

Польские слависты С. Кохман [там же] и В. Витковский [2006, 205] считают *сумнѣние* ‘совесть’ полонизмом в русском языке, не приводя доказательств самого факта заимствования именно из польского языка и не указывая способ заимствования, поэтому их утверждение нуждается в верификации. С этой целью обратимся к истории интересующей нас лексемы в польском языке. В старопольских источниках это слово в значении ‘*świadomość odpowiedzialności moralnej za swoje czyny, wewnętrzne poczucie różnicy między dobrym a złym*’ в форме *sąmnienie* известно с середины XIV в., в формах *samnienie, sumnienie, sumienie* ‘то же’ — со второй четверти XV в., в форме *somnienie* ‘то же’ — с конца XV в., а с середины XV в. эта лексема встречается также в значении ‘*niepokój moralny, skrupuł*’ [SłStp VII, 505, 506; Reczek 1968, 439]. В XVI в. в указанных выше значениях, по данным лексикографических источников, отмечались формы *samnienie, somnienie, sumnienie* [Reczek 1968, 439–440], в XVII–XVIII вв. — формы *sumnienie, sumienie* [SłPaska II, 428; Linde V, 502]. В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., *sumnienie* снабжено пометами “mało używany” и “gwarowy”, последней пометой сопровождается и *sąmnienie* [Karłowicz V, 511]. В словарях польского языка XX–XXI вв. представлено только *sumienie* ‘*właściwość psychiczna, zdolność pozwalająca odpowiednio oceniać własne postępowanie jako zgodne lub niezgodne z przyjętymi normami etycznymi; świadomość odpowiedzialności moralnej za swoje czyny, postępowanie*’ [SłJP VIII, 913; USłJP 3, 1450].

В деловой письменности ВКЛ *сумнение, сумненье* ‘сумленне’, в том числе и в составе сочетания *подъ сумнѣниемъ/сумнѣниемъ* ‘без обману, чесно’, спорадически встречается в конце первой четверти и конце XV в., более регулярно в указанной выше форме, а также в формах *сумленье* (из *сумненне* в результате диссимиляции *mn > ln* [см. ЭСБМ 13, 42]), *суменье* ‘то же’ — с 40-х гг. XVI в. [ССМ 2, 402, 539; ГСБМ 33, 74–75, 75–76; ПГССЛ 2, 351]. В том же значении эти лексемы засвидетельствованы и в канцелярском языке, а также в текстах на “простой

мове” в XVII в., причем на протяжении XV–XVII вв. они отмечались в памятниках, язык которых испытал сильное влияние польского, или в переводах с этого языка [ГСБМ, там же; Тимченко 2, 377, 378]. В одном из исторических словарей украинского языка *сумнение* в интересующем нас значении снабжено пометой “стп. *sumnienіe, sьmnienіe*” [ССМ 2, 402], а в исследованиях по этимологии белорусского языка *сумэня* ‘сумленне’ трактуется как полонизм [ЭСБМ 13, 41]. В словаре, регистрирующем белорусский язык XVIII–XIX вв., находим *сумлённе* ‘совѣсть’ и *сумнѣнне* ‘сомнѣніе’ и ‘совѣсть’ [Носович 1870, 622]. В словаре, отражающем украинский язык XIX в., *сумі́ння* и *сумлі́ння* представлены в значении ‘совѣсть’ [Грінченко 4, 228–229]. В современной белорусской лексикографии *сумлённе* фиксируется в анализируемом нами значении [ТСБМ 5 (1), 376; ТСБЛМ, 636], а *сумнѣнне* в тех же значениях, что и *сомнѣние* в современном русском языке [ТСБМ 5 (1), 377; ТСБЛМ, там же; ССРЛЯ 14, 249]. В современном украинском литературном языке в интересующем нас значении бытует, как и в XIX в., *сумлі́ння* [ВТССУМ, 1413], тогда как в диалектах украинского и белорусского языков в этом значении регистрируются и *сумні́ння* (укр.), *сумэня*, *сумнѣнне* (белор.) [ЕСУМ 5, 474; ЭСБМ 13, 41].

История рассматриваемой лексемы в письменности ВКЛ, а также в белорусском и украинском языках, по нашему мнению, дает достаточные основания для вывода о том, что мы имеем дело с лексическим заимствованием из польского, так как здесь во всех своих вариантах слово первоначально фиксируется именно в интересующем нас значении.¹⁵ Сопоставление всей приведенной выше информации позволяет, на наш взгляд, квалифицировать *сумнѣнне* ‘совѣсть’ как семантическое заимствование из польского в русском письменном языке XVII в., которое попало сюда, вероятнее всего, благодаря посредничеству канцелярского языка ВКЛ и/или “простой мовы”.

ТЕПЛИЦА (3) *ж.* Место, где бьют горячие источники; в форме *мн. ч. теплицы* ‘курорт, здравница с горячими источниками’: *Матери Князіе здѣсь нѣтъ же, отъѣхала въ теплицы* [ДРВ (2) 12, 263, 1599 г.]. *Князя нашихъ Правителя Фредерика Вилгелма здѣся нѣтъ ... и матери Князіе здѣся нѣтъ же, отъѣхала въ Теплицы* [ПДС 2, 687, 1599 г.]. *И нынѣшніе де осени поѣхаль Доминикъ в Чешскую землю къ теплицамъ, будто для льчбы, а не хотя ѣхать на соймъ для стыду своего* [АЮЗР 3, 403, 1649 г.].

Данное существительное представляет собой суффиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение прилагательно-го, восходящего к праслав. **teplъ(jь)* ‘теплый’ (южнославянская форма

**topľ(jb)* — под влиянием **topiti* ‘топить; плавить’, ‘нагревать, согреть’, являющемуся производным с суффиксом *-l-* от **tepti*, 1 л. ед. ч. **tepo* ‘греть, нагревать’, ‘быть теплым’ < и.-е. корень **tep-*(: **top-*) ‘быть теплым’ [Boryś 2005, 81; ИЭССРЯ II, 236–237; Фасмер IV, 44; Sławski I, 101; ЕСУМ 5, 547–548].

В древнерусском языке *теплица* в значении ‘горячий источник; теплые природные воды’ засвидетельствовано с XI в. [Срезневский III, 948; СлРЯ XI–XVII вв. 29, 297]. В интересующем нас употреблении в форме мн. ч. наиболее ранними фиксациями этого существительного на данный момент следует считать приведенные выше случаи, обнаруженные в дипломатических документах конца XVI в. по сношениям МГ со Священной Римской империей¹⁶, в которых затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей и ВКЛ. В XVII в. *теплицы* в анализируемом значении представлено в переводном с польского языка тексте *Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки 1582–1584 гг.* (1628 г., список 1695 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 29, 297] и в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. В русском письменном языке история *теплицы* ‘курорт, здравница с горячими источниками’ не прослеживается далее первой трети XVIII в. [Witkowski 2006, 209].

В. Витковский [там же] считает эту лексему в приведенном выше употреблении полонизмом, не аргументируя свое утверждение и не указывая способа заимствования. Учитывая характер памятников, в которых *теплица (-ы)* ‘место, где бьют горячие источники; мн. курорт, здравница с горячими источниками’ регистрировалось на первых порах, мы вслед за указанным автором также предполагаем заимствование, а точнее, семантическое калькирование с польского и попытаемся обосновать это.

В польской письменности *cieplica, cieplice* на рубеже XV–XVI вв. регистрируется в значении ‘cieplice, naturalne, ciepłe kąpielisko, thermae’ [SłStp I, 297]. С начала второй четверти XVI в. *cieplice* (pl.) входит в широкое употребление в значении ‘ciepłe źródła lecznicze, lub miejscowość lecznicza nad nimi położona’ [SłP XVI, III, 477], в котором это слово бытовало в польском языке и в XVII–XIX вв. [Linde I, 302; Karłowicz I, 329]. В лексикографическом источнике XX в. *cieplica* представлено как многозначное слово, одним из значений которого является ‘(tylko w lm) uzdrowisko mające źródła cieplicowe’ [SłJP I, 989–990]. В словаре начала XXI в. *cieplice* ‘uzdrowisko mające gorące źródła’ выделено в отдельную словарную статью и снабжено пометой “med.” [USłJP I, 464].

В письменности ВКЛ рассматриваемая лексема первоначально (1580 г.) фиксируется в форме мн. ч. именно в интересующем нас значении, а затем, с середины первой четверти XVII в., — и в значении ‘цёплая лячэбная крыніца’, причем в обоих значениях слово отмечается в деловых источниках и текстах на “простой мове”, язык которых отражает сильное влияние польского [ГСБМ 33, 269; ПГССЛ 2, 367]. За пределами XVII в. история анализируемого существительного в значении ‘место, где бьют горячие источники; мн. курорт, здравница с горячими источниками’ ни для белорусского, ни для украинского языка не прослеживается. Судя по этим данным, в письменности ВКЛ мы, видимо, имеем дело с лексическим заимствованием из польского, так как до XVI в. здесь были известны только топонимы *Теплиця* ‘назва річки у Львівській землі’ (1413 г.) и *Теплиця* ‘назва річки у Молдавському князівстві’ (1392 г.) [ССМ 2, 428]. Что касается русского языка, то приведенные выше данные, по нашему мнению, свидетельствуют в пользу семантического калькирования с польского при возможном посредничестве актового языка ВКЛ.

Завершая историко-этимологический анализ девяти лексем, представленных выше, сформулируем некоторые обобщающие выводы:

1. В четырех случаях из девяти (*насадити* ‘поставить, назначить (на высокий пост, высокую должность), облечь властью’, *насадитися* ‘враждебно настроиться по отношению к чему-л., враждебно отнестись к чему-л.; ополчиться на что-л.; создать угрозу чему-л., поставить под угрозу что-л.’, *побрати* ‘отнять, отобрать, захватить что-л. у кого-л.; лишить кого-л. чего-л.; завладеть чем-л. чужим’, *привернути* ‘возвратить, вернуть; восстановить’) впервые установлен факт семантического калькирования с польского. В пяти остальных случаях осуществлена верификация факта заимствования из польского, а в четырех из них (*нужный* ‘бедный, убогий, нищенский; скудный, недостаточный; плохой, скверный’, *оправа* ‘приведение в надлежащий вид, в порядок; ремонт, починка; восстановление, обновление; укрепление; улучшение, усовершенствование’, *сумнѣнье* ‘совесть’, *теплица (-ы)* ‘место, где бьют горячие источники; мн. курорт, здравница с горячими источниками’) определен способ заимствования — семантическое калькирование.
2. В процессе заимствования из польского языка анализируемых значений лексем *насадитися*, *нужный*, *оправа*, *побрати*, *привернути*, *страшливий*, *сумнѣнье*, *теplici* в роли посредников, очевидно, выступали канцелярский язык ВКЛ и/или “простая мова”.

3. Наш материал позволяет внести уточнения в хронологическую характеристику некоторых из рассматриваемых лексем. Так, для слов *насадити*, *сумненьъ*, *теплицы* в интересующих нас значениях удревнение времени появления в русской письменности составило несколько десятилетий, а для *страшливый* — более столетия. В связи с этим заметим, что при контактировании генетически родственных языков учет хронологических данных играет важную роль, так как помогает установить направление языкового влияния.
4. Дальнейшая судьба представленных выше слов в анализируемых значениях в контактировавших языках складывалась по-разному. История лексемы *насадити*, *насадитися*, *побрати* ‘отнять, отобрать, захватить что-л. у кого-л.; лишить кого-л. чего-л.; завладеть чем-л. чужим’, *привернути*, *сумненье* в русском письменном языке ограничивается XVII в., при этом *насадитися* является явным окказионализмом, а *побрати* в указанном выше значении, *привернути* и *сумненье* отличались спорадичностью употребления. Судьба лексем *нужный*, *страшливый*, *теплицы* в интересующих нас значениях и *побрати* в значении ‘захватить силой, завоевать’ не прослеживается далее XVIII в., а история *оправа* — за пределами XIX в. Некоторые из этих слов в анализируемых значениях в XX в. регистрировались в говорах русского языка: *нужный* ‘неимущий, бедный’ [СРНГ 21, 313], *оправа* ‘ремонт, исправление’ [там же, 23, 289], *страшливый* ‘устрашающий кого-л.’ [там же, 41, 296].

В других восточнославянских языках *насадити* в интересующем нас значении вообще не регистрировалось, история лексем *насадитися*, *оправа*, *теплицы* в рассматриваемых значениях в письменности ВКЛ ограничивается XVII в., как и история *нужный*, *привернути*, *страшливый* для белорусского языка, тогда как в украинском языке *нужный* ‘крайне нуждающийся’ употреблялось в письменности еще в XIX в. и до сих пор регистрируется в диалектах [Грінченко 2, 572; ВТССУМ, 794], а *привернути* в анализируемом значении до настоящего времени бытует в разговорном стиле речи и говорах [ВТССУМ, 1111]. Прилагательное *страшливый* ‘те саме, що страшний’ в современном украинском языке относится к редко употребительным словам [там же, 1400]. История существительного *сумненье* ‘совесть’ для украинского письменного языка не прослеживается далее XVII в. (совр. укр. *сумління* ‘то же’), а для белорусского — за пределами XIX в. (совр. белор. *сумлённе* ‘то же’), однако в говорах этих языков оно в указанном значении регистрируется.

В польской письменности судьба лексемы *nasadzić* в анализируемом значении не прослеживается далее конца XVI–начала XVII в. История глагола *nasadzić się* ‘starać się usilnie, nastawić się na co (przeważnie w złym zamierze)’ ограничивается XVII в., а существительного *oprawa* ‘naprawa, poprawa, odnowienie, ulepszenie, korekta’ — первой половиной XVIII в. Слова *cieplice*, *nędzny*, *przywrócić*, *straszliwy*, *sumienie* в интересующих нас значениях бытуют в польском языке до сих пор, при этом *cieplice* в лексикографических источниках снабжено пометой “med.” [USHP 1, 464], а *nędzny* — пометой “książk.” [там же, 2, 891].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русском письменном языке XVI–XVII вв. употребление имперфектива *nasajdati* в этом значении не выявлено.

² В данном случае, вероятно, следует уточнить формулировку значения, предложенную в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* [10, 238], в соответствии со значением *nasadzić się* в польском языке [см. SIP XVI, XVI, 215–216, 217], к которому отсылают составители словаря.

³ С XVII в. в этом же значении засвидетельствовано *нуждный* [ГСБМ 21, 63].

⁴ В историческом словаре белорусского языка под одним значением ‘бедны, няшчасны; пакутлівы’ помещены примеры, в которых прилагательное *нужный* представлено в следующих употреблениях: *нужный* субст. (1489 г.), *нужная смерть* (XVI в.), *нужный вязень* (начало XVII в.), *нужный покарм* (1637 г.), *нужный свѣтъ* (середина XVII в.), *нужный рыбаць* (середина XVII в.), *нужная работа* (середина XVII в.) [ГСБМ 21, 64]. Включение примера *нужный покарм* в иллюстративный материал к этому значению мы считаем некорректным, поскольку здесь прилагательное, видимо, употреблено в значении ‘скудный, недостаточный; плохой, скверный’.

⁵ В этом случае следует, очевидно, говорить о лексическом заимствовании, так как в письменности ВКЛ лексема *оправа* впервые фиксируется именно в значении ‘ремонт, папраўка’ [ГСБМ 22, 276; ПГССЛ 1, 501; Тимченко 2, 48].

⁶ Этому, на наш взгляд, не противоречит и то, что в русской письменности, в дипломатической корреспонденции, уже в конце 80–90-х гг. XV в. встречаются перфектив *оправити* ‘исправить, поправить, привести в надлежащий вид’ и имперфектив *оправляти* ‘приводить в порядок, поправлять’ [СлРЯ XI–XVII вв. 13, 39, 41], поскольку в данном случае также не исключено семантическое заимствование. Но даже если значение у глагола развилось в самом русском языке, то в пользу семантического калькирования значения существительного достаточно убедительно свидетельствуют хронологические данные и характер памятников, на которые приходится фиксации этого слова в анализируемом значении в XVI–XVII вв.

⁷ Омоним *побрати*, 1 л. ед. ч. *поборю* ‘побороться, заступиться за кого-л.’ отмечается в древнерусском языке в XI–XIII вв. [СлДРЯ VI, 451].

⁸ В северо-двинских говорах в начале второй четверти XX в. в значении ‘взять, захватить’ зарегистрировано единичное употребление перфектива *повзять* [СРНГ 27, 242].

⁹ В русском письменном языке *побирати* в этом значении не выявлено.

¹⁰ В русской письменности XVI в. засвидетельствована одна фиксация имперфектива *привращати* ‘возвращать’ [СлРЯ XI–XVII вв. 19, 122], а в деловом языке XVII в. отмечаются два случая употребления перфектива *привратити* ‘возвратить’ (1613 г., 1684 г.) [там же]. Кроме того, в *Козмографии* (между 1655–1667 гг., список 1670 г.) зарегистрирован один случай использования перфектива *превратити* ‘возвратить’ [там же, 18, 162]. В русском письменном языке как история приведенного выше имперфектива, так и история обеих перфективных форм в интересующем нас значении не прослеживается далее XVII в. Но в русских говорах Пинежского района Архангельской области в этом значении отмечен единичный случай употребления перфектива *приворотить* [СРНГ 31, 149].

В польской же письменности имперфектив *przywrascać* регистрируется с 60-х гг. XV в. [SłStr VII, 384], в значении ‘powodować ponowne pojawienie się czegoś, co było i przestało istnieć’ — с конца первой четверти XVI в., а в значении ‘oddawać, zwgasać’ — с середины того же столетия [SłP XVI, XXXIV, 335]. В первом из указанных выше значений этот глагол до сих пор входит в активный состав польской лексики, а во втором он к XX в. вышел из употребления [SłP VII, 674; USłP 3, 829].

Опираясь на данные анализа приведенного выше материала, мы предполагаем, что во всех трех случаях так же, как и в случае с *привернути* ‘возвратить, вернуть; восстановить’, мы имеем дело с семантическим калькированием с польского, поскольку эти глаголы регистрируются уже в древнерусском языке: *превратити* в различных значениях — с XII–XIII вв., *привращати* ‘обращать к кому-л., привлекать’ — с конца XIV в., а *привратити* ‘присоединить’ — с начала XV в. [СлДРЯ VIII, 36, 348, 383–384].

¹¹ В письменности ВКЛ в интересующем нас значении, кроме того, засвидетельствованы перфективы *привротити*, *привратити* (с первой четверти XVI в.) и *приворотити* (с начала XVII в.), а также имперфективы *приворочати* (единичное употребление в середине XV в., регулярно — со второй четверти XVI в.), *приворачивати* (со второй половины XVI в.), *привращати* (с начала XVII в.), *привращати*, *приврочати* (с середины XVII в.) [ГСБМ 28, 222, 223, 224, 225]. Учитывая данные хронологии, письменность ВКЛ могла выступать в роли посредника в процессе калькирования в XVI–XVII вв. русским языком с польского интересующего нас значения лексем *превратити*, *привратити*, *превращати* (см. выше: примечание 7).

¹² В настоящее время известна лишь одна фиксация в русском письменном языке наречия *страшливе* [Witkowski 2006, 204].

¹³ Эта лексема считается в русском языке заимствованием из старославянского [см. КрЭСлРЯ, 421].

¹⁴ Оба варианта (*сомнѣние* и *сумнѣние*) в значении ‘колеблемость, нерѣшимость мыслей’ регистрируются в русской письменности XVIII в. [САР VI, 373]. В Даль в указанном выше значении наряду с *сомнѣние* приводит *сумленье*, снабжая его пометой “искаж.” [Даль IV, 269]. Далее XVIII–XIX вв. судьба *сумленье* и *сумленье* для русского письменного языка не прослеживается, тогда как в русских говорах *сумлѣние* и *сумлѣние* представлены, но в интересующем нас значении они не зафиксированы [СРНГ 42, 237, 239].

¹⁵ В ГСБМ [33, 76–77] в словарной статье к слову *сумленье*, *сумленье* значение

этой лексемы определено как ‘сумненное’, однако, на наш взгляд, возможно, только в двух случаях из четырнадцати она представлена в этом значении (36. 261, 8(?) и Алекс., 126) [ГСБМ 33, 77]. В других же 12 примерах это существительное, по нашему мнению, употреблено в значении ‘сумленне’ [ср. ПГССЛ 2, 351; Тимченко 2, 378].

¹⁶ Не исключено, что в одном из источников 1599 г. [ПДС 2, 687, 1599 г.] эта лексема выступает как топоним, появление которого было мотивировано названием места, где бьют горячие источники: *Тéплицы* — город в Богемии, упоминание о котором встречается уже в XII в., а о курорте (о купаньях в горячих источниках) — в XVI в. [ЭСл 64, 918; БЭ 18, 364–365].

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АИ = *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией*, т. 2, 4. Санкт-Петербург, 1841, 1842.

АЮЗР = *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией*, т. 3. Санкт-Петербург, 1861.

ВУР = *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы*, т. 2. Москва, 1953.

ДРВ (1) = *Древняя Российская вивлиофика*. Изд. Н. Новиковым, ч. 10. Санкт-Петербург, 1775.

ДРВ (2) = *Древняя Российская вивлиофика*. Изд. Н. Новиковым. Изд. 2-е, ч. 4, 12. Москва, 1788, 1789.

ПДС = *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею*, т. 2 (с 1594 по 1621 год). Санкт-Петербург, 1852.

Сб. РИО 137, 142 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. 4 (1508–1608 гг.), т. 5 (1609–1615 гг.). Москва, 1912, 1913. (Сборник Русского исторического общества, т. 137, 142).

СПГД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*, ч. 2. Санкт-Петербург, 1819.

ЛИТЕРАТУРА

Арапова Н. С., 2000: *Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря*. Москва.

Булыка А. М., 1972: *Даўня запазычанні беларускай мовы*. Мінск.

БЭ = *Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания*, т. 18. Санкт-Петербург, 1904.

ВТССУМ = *Великий тлумачальний словник сучасної української мови*. Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ, 2005.

Гарбуль Л., 2009: *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Vilnius.

Гарбуль Л. П., 2014а: Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII века, *Slavistica Vilnensis*, 59. 63–80.

Гарбуль Л., 2014б: *Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Vilnius.

- Грінченко Б., 1996–1997: *Словарь української мови*. В 4 т. Київ (репринт, 1907–1909).
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, вып. 1–35. Мінск, 1982–2015.
- Даль В. И., 1978–1980: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва.
- ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*, т. 1–6. Київ, 1982–2014.
- Зализняк Анна А., 2001: Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания „Каталога семантических переходов“, *Вопросы языкознания*, 2. 13–25.
- Зализняк Анна А., 2006: *Многозначность в языке и способы ее представления*. Москва.
- ИЭССРЯ = Черных П. Я., 1999: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва.
- Крысин Л. П., 2002: Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий, *Вопросы языкознания*, № 6. 27–34.
- КрЭСлРЯ = Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В., 1971: *Краткий этимологический словарь русского языка*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва.
- Носович И. И., 1870: *Словарь бѣлорускаго нарѣчія*. Санкт-Петербург.
- ПГСЛ = Булыка А. М. (рэд.), 2013: *Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі*, т. 1–2. Мінск.
- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1806–1822.
- СлДРЯ = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. I–X. Москва, 1988–2013.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–29. Москва, 1975–2011.
- СлРЯ XVIII в. = *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 1–20. Ленинград – Санкт-Петербург, 1984–2013.
- Срезневский И. И., 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. Санкт-Петербург.
- СРНГ = Филин Ф. П. (гл. ред.), Сороколетов Ф. П., Мызников С. А., 1965–2014: *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–47. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург.
- ССМ = *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- Тимченко С. К., 2002–2003: *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.* Підготували до видання В. В. Німчук та Г. І. Лиса, кн. 1–2. Київ – Нью-Йорк.
- ТСБЛМ = Суднік М. Р., Крыўко М. Н. (рэд.), 2002: *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. 3-е выданне. Мінск.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- Фасмер М., 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. и доп. О. Н. Трубачева, т. I–IV. Москва.

- ЭСБМ = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–13. Мінск, 1978–2010.
- ЭСл = Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А., 1901: *Энциклопедический словарь*, т. 64. Санкт-Петербург.
- ЭСлРЯ = Журавлев А. Ф., Шанский Н. М. (ред.), 1963–2007: *Этимологический словарь русского языка*, т. I (вып. 1–5)–II (вып. 6–8), вып. 9–10. Москва.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 1–39. Москва, 1974–2014.
- Bańkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1–2. Warszawa.
- Boryś W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego*, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1935.
- Kochman S., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Linde S. B., 1854–1860: *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Lwów.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Rejzek J., 2001: *Český etymologický slovník*. Praha.
- Sławski F., 1952–1982: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I–V. Kraków.
- SłJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
- Sł Paska = *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*, t. I–II. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965–1973.
- SłP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. I–XXXVI. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–2012.
- SłP XVII = *Elektroniczny Słownik języka polskiego XVII I. połowy XVIII wieku*, oprac. zespół Pracowni Historii Języka Polskiego XVII/XVIII w. pod kierunkiem W. Gruszczyńskiego, A –. IJP PAN, 2004 –. Доступ в Інтернете: <http://sxvii.pl> (26-12-2015).
- SłStp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.
- StčSl = *Staročeský slovník*, d. 3–5. Praha, 1977–2004.
- USłJP = *Universalny słownik języka polskiego pod redakcją S. Dubusza*, t. 1–4. Warszawa, 2003.
- Witkowski W., 1992: Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego, in *Z polskich studiów slawistycznych*, seria VIII. Warszawa, 263–270.
- Witkowski W., 2006: *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Arapova N. S., 2000: *Kal'ki v russkom jazyke poslepetrovskogo perioda*. Opyt slovarja. Moskva.
- Bańkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1–2. Warszawa.
- BJe = *Bol'shaja jenciklopedija*. Slovar' obshhedostupnyh svědenij po vsëm otrasljam znaniya, t. 18. Sankt-Peterburg, 1904.

- Boryś W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Bulyka A. M., 1972: *Daŭnija zapazychanni belaruskaj movy*. Minsk.
- Dal' V.I., 1978–1980: *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka*, t. I–IV. Moskva.
- ESUM = *Etymologichnij slovník ukraïns'koï movi*, t. 1–6. Kiïv, 1982–2014.
- Fasmer M., 1964–1973: *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. Per. i dop. O. N. Trubacheva, t. I–IV. Moskva.
- Garbul' L. P., 2014a: Mezhsłavjanskije semanticheskie zaimstvovanija v russkom prikaznom jazyke XVII veka, *Slavistica Vilnensis*, 59. 63–80.
- Garbul' L., 2009: *Semanticheskie polonizmy v russkom prikaznom jazyke pervoj poloviny XVII veka*. Vilnius.
- Garbul' L., 2014b: *Leksicheskie polonizmy v russkom prikaznom jazyke pervoj poloviny XVII veka*. Vilnius.
- Grinchenko B., 1996–1997: *Slovar' ukraïns'koï movi*. V 4 t. Kiïv (reprint, ¹1907–1909). GSBM = *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy*. Vyp. 1–35. Minsk, 1982–2015.
- IJeSSRJa = Chernyh P. Ja., 1999: *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*, t. I–II. Moskva.
- JeSBM = *Jetymalagichny sloŭnik belaruskaj movy*, t. 1–13. Minsk, 1978–2010.
- JeSl = Brokgauz F. A., Efron I. A., 1901: *Jenciklopedicheskij slovar'*, t. 64. Sankt-Peterburg.
- JeSIRJa = Zhuravlev A. F., Shanskij N. M. (red.), 1963–2007: *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*, t. I (vyp. 1–5)–II (vyp. 6–8), vyp. 9–10. Moskva.
- JeSSJa = *Jetimologicheskij slovar' slavjanskijh jazykov*, vyp. 1–39. Moskva, 1974–2014.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego*, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1935.
- Kochman S., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowy w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- KrJeSIRJa = Shanskij N. M., Ivanov V. V., Shanskaja T. V., 1971: *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva.
- Krysin L. P., 2002: Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom jazyke poslednih desjatiletij, *Voprosy jazykoznanija*, № 6. 27–34.
- Linde S. B., 1854–1860: *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Lwów.
- Nosovich I. I., 1870: *Slovar' bëloruskago nar'čhija*. Sankt-Peterburg.
- PGSSL = Bulyka A. M. (rjed.), 2013: *Padručny gistarychny sloŭnik substancyjnaj leksiki*, t. 1–2. Minsk.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Rejzek J., 2001: *Český etymologický slovník*. Praha.
- SAR = *Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj*, ch. I–VI. Sankt-Peterburg, 1806–1822.
- Sł Paska = *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*, t. I–II. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965–1973.
- Sławski F., 1952–1982: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I–V. Kraków.
- SIDRJa = *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)*, t. I–H. Moskva, 1988–2013.
- SłJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

- SfP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. I–XXXVI. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–2012.
- SfP XVII = *Elektroniczny Słownik języka polskiego XVII I. połowy XVIII wieku*, oprac. zespół Pracowni Historii Języka Polskiego XVII/XVIII w. pod kierunkiem W. Gruszczyńskiego, A –. IJP PAN, 2004 –. Доступ в Інтернете: [http://sxvii.pl\(26-12-2015\)](http://sxvii.pl(26-12-2015)).
- SIRJa HI–HVII vv. = *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.*, vyp. 1–29. Moskva, 1975–2011.
- SIRJa HVIII v. = *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka*, vyp. 1–20. Leningrad – Sankt-Peterburg, 1984–2013.
- SfStp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.
- Sreznenskij I. I., 1893–1912: *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka*, t. I–III. Sankt-Peterburg.
- SRNG = Filin F. P. (gl. red.), Sorokoletov F. P., Myznikov S. A., 1965–2014: *Slovar' russkikh narodnyh govorov*, vyp. 1–47. Moskva–Leningrad–Sankt-Peterburg.
- SSM = *Slovník staroukrajinských slov XIV–XV st.*, t. 1–2. Kiïv, 1977–1978.
- SSRLJa = *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*, t. 1–17. Moskva–Leningrad, 1950–1965.
- StčSl = *Staročeský slovník*, d. 3–5. Praha, 1977–2004.
- Timchenko C. K., 2002–2003: *Materiali do slovníka pisemnoï ta knizhnoï ukrajinských slov XV–XVIII st.* Pidgotuvali do vidannja V. V. Nimchuk ta G. I. Lisa, kn. 1–2. Kiïv–N'ju-Jork.
- TSBLM = Sudnik M. R., Kryžko M. N. (rjed.), 2002: *Tlumachal'ny slovník belaruskaj litaraturnaj movy*. 3-e vydanne. Minsk.
- TSBM = *Tlumachal'ny slovník belaruskaj movy*, t. 1–5. Minsk, 1977–1984.
- USfJP = *Universalny słownik języka polskiego pod redakcją S. Dubusza*, t. 1–4. Warszawa, 2003.
- VTSSUM = *Velikij tlumachal'nij slovník suchasnoï ukrajinských slov*. Uklad. i golov. red. V. T. Busel. Kiïv, 2005.
- Witkowski W., 1992: Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego, in *Z polskich studiów slawistycznych*, seria VIII. Warszawa, 263–270.
- Witkowski W., 2006: *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków.
- Zaliznjak Anna A., 2001: Semanticheskaja derivacija v sinchronii i diahronii: projekt sozdanija „Kataloga semanticheskich perehodov“, *Voprosy jazykoznanija*, № 2. 13–25.
- Zaliznjak Anna A., 2006: *Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija*. Moskva.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL'

Unnoticed Semantic Polonisms in the Chancery language of the Muscovite State

This article examines the history of the following words found in the 17th c. Muscovite State diplomatic correspondence: *nasaditi* 'appoint, nominate; invest with authority', *nasaditisja* 'put smb. hostilely, with enmity against smth.; be up in arms (against);

threaten, imperil', *nužnyj* 'poor, beggarly, squalid, miserable; meagre, scanty; bad, nasty', *oprava* 'repair(s), repairing; restoration, renewal; improvement', *pobрати* 'take away, bereave of; take possession of, seize', *privernuti* 'return, restore, recover', *strašlivyj* 'terrible, frightful, horrific', *sumnen'e* 'conscience', *teplica (-y)* 'a locality with hot springs; pl. health resort with hot springs'.

The author argues that these words, in the meanings provided above, are probably semantic calques from Polish in the Russian written language of the 16th and 17th centuries, which were borrowed likely through mediation of the written language of the Great Duchy of Lithuania, with the exception of *nasaditi*.

Keywords: semantic loan words/calques, semantic Polonisms, diplomatic correspondence, the written language of the Great Duchy of Lithuania (the Chancery language and the *prostaja mova*).

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL

Maskvos valstybės kanceliarinėje (prikazų) kalboje nepastebėti semantiniai polonizmai

Straipsnyje nagrinėjama aptiktų vienoje iš XVII a. Maskvos Rusijos dalykinės kalbos atmainų, būtent diplomatinėje korespondencijoje, žodžių *nasaditi* 'paskirti į aukštą postą, į aukštą pareigą; suteikti valdžią', *nasaditisja* 'nusiteikti priešiškaiki kieno nors atžvilgiu; užpulti ką nors; kelti grėsmę kam nors, pastatyti į pavojų ką nors', *nužnyj* 'neturtingas, varganas, vargingas; skurdus, menkas; prastas', *oprava* 'remontas, taisymas; atstatymas, pataisymas, suremontavimas; pagerinimas', *pobрати* 'atimti iš ko nors; užvaldyti; užgrobti', *privernuti* 'gražinti; susigražinti, atgauti', *strašlivyj* 'baisus, siaubingas', *sumnen'e* 'sąžinė', *teplica (-y)* 'vietovė, kur muša karštosios versmės; dgs. gydykla su karštosiomis versmėmis' istorija. Autorė siekia įrodyti, kad šių žodžių analizuojamosios reikšmės XVI–XVII a. rusų rašytinėje kalboje yra semantinės kalkės iš lenkų kalbos.

Remiantis pateiktos medžiagos analize, formuluojamos išvados: visų analizuojamųjų leksemų nagrinėjamosios reikšmės veikiausiai yra semantiniai skoliniai iš lenkų kalbos, kurie į XVI–XVII a. rusų rašytinę kalbą pateko turbūt tarpininkaujant Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės raštijai (išskyrus *nasaditi*).

Reikšminiai žodžiai: semantiniai skoliniai (kalkės), semantiniai polonizmai, diplomatinė korespondencija, LDK raštija (kanceliarinė kalba ir „prostaja mova“).

Поступило в редакцию: 11 марта 2016 г.

Принято к печати: 30 марта 2016 г.

Людмила Павловна Гарбуль, доктор гуманитарных наук, доцент Института иностранных языков Вильнюсского университета.

Liudmila Pavlovna Garbul, Ph D (Humanities), Assoc. prof. of the Institute of Foreign Languages of Vilnius University.

Liudmila Pavlovna Garbul, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Užsienio kalbų instituto docentė.

E-mail: liudmila.garbul@flf.vu.lt

LC

ISSN 2464-1831

Litteraria Copernicana
2(18)/2016

Tatarzy polscy

Czesław Łapicz, Piśmiennictwo Tatarów – muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego: fakty i mity [wybrane zagadnienia] / **Joanna Kulwicka-Kamińska**, Fenomen Wielkiego Księstwa Litewskiego – koeżystencja kultur. Przekłady Koranu na język polski / **Magdalena Lewicka**, Dualary planetne. Hramołka ze zbiorów Muzeum Historycznego w Białymstoku. Analiza tekstologiczno-filologiczna / **Marek M. Dziekan**, „Opisanie dni miesięcznych” z chamaitu Aleksandrowicza / **Grzegorz Czerwiński**, Poezja polsko-tatarska. Analiza, interpretacja i... wartościowanie?